

22 июня - С.С.

Это не исследование творчества режиссера Анатолия Васильева и не его портрет. Просто записки зрителя. Правда, из Германии.

«Московские театральные дни» в Мюнхене в январе 1988 года стали для меня прямо-таки историческими. Не только из-за обширной и заманчивой программы (а я, уехав из Союза, русский театр знала только заочно), но в основном потому, что я повстречалась с Анатолием Васильевым. Сначала — с его фотографией в фойе «Гастайга» в экспозиции Бахрушинского музея, одного из самых моих любимых еще с детства. Стенд, посвященный театру Ан. Васильева, разглядывала особенно долго — не слышала, к стыду своему, о таком театре. А вот и сам режиссер снят — необычное, уди-

ва она очень напоминает вешалки в студенческой или школьной аудитории. С кучей пальто, курток, плащей, шапок, как-то случайно, вроде бы, как птицы, слетевшихся сюда. Но атмосферу театра, к тому же особенного театра, вы ощущаете сразу же, атмосферу аскетизма, какой-то отрешенности от мира сего. Библиотечной или монастырской замкнутости и одновременно возвышенности, праздничности. И понимаете: сюда не так-то просто попасть. Здесь свой закон, своя жизнь, свои мерки и требования. Сцена и театральный зал —

Уроки Мастера

вительное лицо, такие бывают на гравюрах в старинных книгах. И, может быть, на картинах...

Просмотр видеоспектакля «Взрослая дочь молодого человека» потряс душу. Перед показом режиссер сказал: «С этой пьесы начал в 1979 году реально существовать наш театр. Спектакль был шлягером в течение двух лет. Потом у Любимова на Таганке поставил следующую вещь В. Славкина — «Серсо»...»

Ах, боже мой, но я же теперь не успокоюсь, пока не увижу и «Серсо», и все, что уже сделал и еще делает этот режиссер. Да не на видеокассете, а «в натуре», на сцене.

— Когда же? — задала я вопрос.

— Возможно, в начале осени. Есть уже приглашение на Берлинский фестиваль.

— Почему же тогда не «точно», а «возможно»? — удивляюсь я.

— Да потому, что уже дважды срывались гастроли! — нехотя объясняет Васильев.

В Берлин он все же приехал. А я из своего Франкfurта прямо-таки примчалась.

Так я посмотрела и «Серсо», и «Шесть персонажей в поисках автора» Пиранделло. Этим самым спектаклем открылся в 1987 году театр Васильева «Школа драматического искусства». Актерами были студенты режиссерского факультета, собиравшиеся дважды в году (по месяцу) для совместной работы и репетиций. Все строится на импровизации, экспромте, но на самом-то деле у Васильева ничто не случайно. О Пиранделло он размышлял, страшно представлять, двадцать лет!

Спектакли здесь, на Западе, получили отличнейшую прессу. Многие именитые критики сравнивали «Серсо» с «Вишневым садом». Там и там — потерянные дети века своего. Особо отмечали Коку — А. Петренко. (Я случайно видела, как ходил он, Петренко, около театра, там такое кафе есть на углу Халлешен Уфер. Нет, не в костюме Коки, он во что-то другое был одет. Но он ходил в облике Коки, как-то наискосок. Большой, неприкаянный. До ужаса чужой, чуждый этому миру).

Пропускаем еще три года и забываемся... в Москве. Сейчас я впервые иду к мастеру «домой». Странно, однако, что знакомые мои, люди интеллигентные, у Васильева в театре не были никогда. Ни разу. Слышали, но видеть не видели. Я знала адрес: Воровского, 20—22. Моя столичная приятельница не знала этого. В театр мы попали так: спустились сначала в какой-то подвальный отсек, где орудовали штукатуры, бетонщики, надо сказать, вполне беззлобно и без удивления, воспринявшие наше появление. На вопрос: «Где тут театр Васильева?», кто-то из них махнул рукой в сторону шатких мостков: «Да вот, выберетесь наверх. И — налево».

Итак, вверх по шатающимся, грозящим тут же перевернуться и опрокинуться под нами доскам выкарабкались мы на более твердую почву. И — по каменным ступенькам лестницы спустились вниз.

Спешу оговориться: нормальным гостям не приходится преодолевать этот крутой маршрут. Это нас просто «кружило». Вход в театр «Школа драматического искусства» довольно прост: улицы Воровского надо завернуть за угол налево и еще раз налево.

Театр, как известно, начинается с вешалки. У Василье-

ва одно продолговатое помещение. Стоя в коридоре, вы видите все как бы в разрезе. Вы проходите по коридору параллельно закусочной части, просцениума, сцены, — все здесь на одном уровне. А вот многочисленные ряды со знакомой мне уже бюлестрадой «лож». Эта деталь тоже кочевала с театром по гастроллям.

В одном из интервью с Васильевым автор «Русской Мысли» в Париже Наталья Горбаневская назвала его коллектив «Бродячие люди».

Нет, неверно. Помещение, и правда, небольшое, малое, сеньское даже. Но это — дом. С четко продуманной планировкой. Созданный с умом и сердцем. Аскетичный. Со стенами — белыми, словно накрахмаленными. И, что особенно запоминается на фоне всеобщей московской запыленности, — с вымытыми до хруста стеклами окон.

Меня встрелили оком: «Какими судьбами?» Все тот же взгляд полуприкрытых веками глаз.

Перед началом просмотра Васильев сказал: «Это не премьеры. Это даже еще не готовый спектакль. Мы будем смотреть его небольшими отрывками. С частыми паузами. Можете обмениваться мнениями. Просмотр будет длиться примерно до 12 ночи».

И вот свет в зале погас. И мы перенеслись прямо на площадь во Флоренции. Да нет, пожалуй, — в жизнь самого Медичи...

Вы не только видите глаза актеров, почти касаетесь локтя локтем. К вам обращаются непосредственно. Вас колот, задавают словом, шуткой, вас заинтриговывают. И вы уже не отделяете истину от выдумки. В действующих лицах вы узнаете знакомых, вы слышите их интонации. Более того, характер, ситуации, происходящее начинают волновать вас. Вы смеетесь, вас обуревают тысячи чувств. Вы ведете мысленный диалог с персонажами. Берегитесь, волшебник среди нас!

О «Фьоренце» Т. Манна писать рано. Спектакль не собран. Но увиденное настолько живо, красочно, органично и прекрасно, что дай-то нам всем Бог дожить до премьеры. И хотя просмотр длился часов семь с перерывами, домой уходили с большой неохотой... Любопытство объяснимо: разговоров «фри-театра» (свободного театра) в Союзе, по моему, не так много. Или нет вовсе?

За последние годы «Школа драматического искусства» сумела отвоевать помещение над подвалом, где до этого жили квартиранты, потом пытались заселиться вездесущие кооператоры. Но вот наконец-то помещение передано театру. Есть уже план реконструкции, когда уберут потолок над подвалом. Словом, театр приобретет воздух и «посадочные» места. Но это пока только в планах. Наяву: музей театра, кабинет звукорежиссера и еще один зал с крохотной сценой. Такой уютный, «семейный», для небольших концертов.

...Жил-был мальчик. Ходил в школу в Ростове-на-Дону, как все дети. Но однажды мальчик пришел в гости к тете. К своей, родной. И увидел кадры цветной киноленты. И мальчик лет восьми — десяти твердо решил для себя: буду режиссером!

Окончил школу и приехал в Москву. Во ВГИК, как когда-то из алтайского села приехал деревенский парень Василий Шукшин. Тоже «поступать в кино». Только вот Васильева во ВГИК не приняли.

Закончил другой институт.

Стал химиком. Потом был флот. (Кстати, Шукшин тоже был на флоте). Работал. А тянуло в театр. В Ростове-на-Дону был студенческий коллектив. Там он встретил В. Славкина. Там родилась их первая мечта о компании друзей-единомышленников. Ставил мюзикл. Потом был ГИТИС.

Сам Васильев рассказывает так: «Талант? Что такое — талант? Только талант?»

Я прошел путь и, не имея каких-то дароватых особенностей... был приучен стариками — поскольку я учился у стариков, и я в этом смысле счастливый человек, — приучен к уважению. Вот почему я и' устал думать, что театр — это такая наука, которая должна передаваться от стариков к молодым... Она не должна прерываться...».

И были в его жизни тысячи перипетий. Столкновений, наскоков, потерь. Потеря друзей, учеников. Ведь к тому времени он и сам стал учителем.

Он много ездит по всему миру. Стал известен. Знаменит. Лауреат Государственной премии РСФСР, его спектакли удостоены премий и наград на международных театральных фестивалях. Во Франции он «Казалер Ордена Искусства и Литературы».

Он ведет семинары во Франции, Германии. О нем ходят слухи, почти легенды и анекдоты. Он же ко всему этому — и к славе и гримасам судьбы — относится как наблюдатель. Со стороны.

Я спрашиваю: что же нового произошло в театре? Когда же откроется он доступу широкого зрителя? Ведь до сих пор это больше школа-студия. Студийцы приезжают на семинары, учатся, сдают экзамены, живут здесь отрешенно от суетного мира, как монахи. Но когда же будет тот театр, о котором он рассказывал в Берлине? С большой сценой и труппой актеров, приглашаемой пусть на договорных началах, но труппой?

И вот какая складывалась картина. Будущее помещение — бывший кинотеатр «Уран» — будет полностью реконструировано. Но когда? «Таганка» вон 18 лет строилась!» — отвечает Васильев.

А сейчас ищется подрядчик. Предположительно иностранная фирма, которая и возьмется за строительство помещения своего офиса и театра. Но это самое раннее — к 95-му году, не раньше. А здесь, на Воровского, останется студия.

— А годы идут!.. Ты все-таки давно в Союзе не была.

— А что произошло с «Седня мы импровизируем»? Почему его показывали только в Югославии, Австрии и Италии? Могу я спросить?

— Молчание. Потом: Понимаешь... Очень тяжелая ситуация... Погибло полтора года жизни. Мой лучший спектакль. Мой лучший спектакль в жизни! (Он говорит очень тихо). Его не будет больше.

— Я думала, премьера просто отложена. На время...

— Нет, его больше не будет. Нет, его больше не будет... Все погибло в эту короткую проклятую иракскую войну. Вот тебе — взаимосвязь политики и искусства. Собирались в полугодовое турне: Европа, Америка, Япония (в том числе и во Франкфурт). А начало — в Сицилии, в Джигеллино. Переговоры попали как раз на начало войны. И — все! Никаких контрактов, никакого продолжения. Актеры ушли. Спектакль теперь только в видеозаписи.

Что можно было сказать в утешение? Что ему еще нет и пятидесяти? Что в эти годы можно еще горы свернуть? Так-то оно так...

Чем закончу записки? Даже если вам и не удастся в ближайшее время увидеть спектакли самого Васильева, то вы увидите его учеников. Они разлетелись по всему Союзу. Работают в театрах, в кино, на телевидении. И, если не всегда, но всех их, им любимых, удастся ему сохранить под крышей своего дома, то семья, брошенная рукою этого большого и своеобразного Мастера, дадут всходы, верую!

Майя МИХАЙЛОВА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ.

● Сцена из спектакля «Серсо».

Фото автора.

